

молотьбы и веяния – с. 36.27–32), что могло бы служить указанием на интерес автора и адресата к хозяйствованию на земле. Мы могли бы высказать предположение, что куратор Пил был администратором (государственных?) поместий. Но вернемся к письму Игнатия.

Он возражает против требований куратора: согласно божественному закону, заявляет Игнатий, монастырям дарована свобода (ἐλευθερία) от обложения; к этому он добавляет, что монастыри возносят молитвы о здоровье и благополучии божественных и сиятельных императоров (стк. 27–32). Он просит Константина аннулировать “этот нечестивый побор” и оставить монастыри “в сфере епископской воли и руки” (стк. 34–42).

Два письма из нашего сборника трактуют две налоговые статьи, синону и ситаркию, природа которых многократно обсуждалась византинистами. В письме 7 Игнатий обращается к нотарию, спафарокандидату Николаю по поводу печальных событий, обрушившихся на церковь в связи с требованием казны (τοῦ δημοσίου) (стб. 7.18); в туманных выражениях Игнатий сообщает, что церковь (он не уточняет какая именно) пользовалась “щедрым милосердием” (σαψιλοῦς ἡμερότητος) и была полностью освобождена от “наездов и взысканий со стороны казны” (περιφορᾶς καὶ ὑέυσεως), т.е. от государственных поборов, которые перечисляются как синона, ангария и эпирии всех сортов (я предпочитаю оставить фискальные термины без перевода на русский язык). Игнатий добавляет, что эта привилегия, или “глава” (κεφάλαιον) была чрезвычайно существенна для церкви (стк. 24–30).

Привилегия, о которой говорится в письме, была, по всей видимости, освобождением не от платежей, а от так называемого introitus, “вторжения” чиновников фиска на территорию, контролируемую церковью. Писатель сообщает далее, что в июле синона была взыскана в установленном размере и что церковь получила квитанцию (ἄσφαλῆς ἀπόδειξις) во избежание повторного взыскания (стк. 39–43). Однако несмотря на все предосторожности, “буря взыскания синоны” разразилась, угрожая увлечь клир в “бездну бедности” (стк. 44–46): налоговые сборщики требовали уплаты 6 модиев с каждого, будь то грудной младенец или глубокий старец (стб. 8.1–2).

Документ содержит информацию чрезвычайной важности: мы узнаем из него, что синона была поголовным налогом, что ею были обложены лица, а не земля, что она вносилась в размере 6 модиев (зерна?) раз в год в июле. Таковы, во всяком случае были принципы обложения церковных земель в районе активности Игнатия, скорее всего в Вифинии.

Послание 8, направленное тому же Николаю, характеризует аналогичную ситуацию: вновь церковь страдает от налогового бремени, которое Игнатий находит несправедливым. В этот раз, однако, налог именуется σιταρχία и налоговый сборщик ἀρχισιταρχῆς (стб. 8. 36–38). Норма обложения остается той же – 6 модиев пшеницы (на этот раз природа обложения точно определена), и налог также взыскивается с каждого, с младенцев, взрослых детей и стариков (стк. 40–43). Вопрос остается открытым, были ли синона и ситаркия в понимании Игнатия синонимами или двумя разными налоговыми статьями, которые взимались в том же размере и на основе тех же принципов. Как бы то ни было, жалобы Игнатия сходны: в восьмом послании он также утверждает, что императорское постановление (πρόσταξις), равно как и старинный обычай, гарантировало безопасность каждого клирика данной церкви и освобождали их от всякой (налоговой) несправедливости (κάκωσις) (стб. 8.45–9.2), но, несмотря на это, “едва лишь ситаркия, уплаченная нами, была засыпана в государственные амбары, новый архиситарх обрушился на нас как гром среди ясного неба” (стб. 8.36–38). Игнатий обращается к Николаю с просьбой уничтожить эту гангрену (стб. 9.6–7).